

Глава 1

Поселок Валь-Жальбер, 7 января 1916 года

Человек стоял и смотрел на величественное здание монастырской школы святого Георгия. Его растерянный взгляд остановился на металлическом кресте, возвышавшемся над тоненькой колоколенкой. Коричневая вязаная шапочка плохо защищала от пронизывающего ветра, тяжелый рыхлый снег промочил сапоги, но незнакомец всего этого, казалось, не замечал. На фоне ярко освещенных окон то и дело мелькал силуэт монахини в темном платье и белом платке. Несколько раз она подходила к окну, но мужчины не видела — густая тень от еловых ветвей надежно защищала его от любопытных взглядов.

Он был не местный, но, будь на то его воля, с удовольствием бы здесь поселился. Дома жителей Валь-Жальбера были красивыми и удобными. Ходили слухи, что они оборудованы по последнему слову техники — современными системами отопления и даже электричеством. И, глядя на величественное здание школы, на яркий желтый свет, льющийся из ее окон на улицу Святого Георгия, легко поверить, что это не выдумки, а чистая правда.

«Стекла, хорошая древесина, крыша... все сработано на совесть, — думал он. — В этот поселок вложено немало денег».

На морозе теплые ароматы выпечки и жареного мяса ощущались особенно остро. От голода у него подвело живот, и он на мгновение закрыл глаза. Представил зажаренные до темной корочки фруктовые пироги, политые кленовым сиропом, и блестящее от жира жаркое из домашней птицы...

«Не для меня все это!» — едва слышно сказал он себе.

Он окинул тревожным взглядом ряд домов, вытянувшихся вдоль бесконечной улицы, посередине которой пролегал наезженная многочисленными повозками узкая и обледеневшая дорога.

От школьного порога мужчину отделяло всего несколько шагов. Подъезд был украшен четырьмя красивыми деревянными колоннами, поддерживавшими большой балкон. Мужчина стоял, переминаясь с ноги на ногу и прижимая к груди какой-то сверток. Со стороны могло показаться, что это звериные шкуры. Трапперы¹ часто заходили в Валь-Жальбер, желая продать местным добытые меха.

Но у этих закаленных невзгодами парней не в обычае было так нежно прижимать свой товар к груди...

Сестра Люсия снова приблизила румяное лицо к оконному стеклу. Она только что проверила, все ли в порядке в классе учеников средней школы, самых старших, но порой шумных и недисциплинированных. Она уже начала беспокоиться из-за долгого отсутствия сестры Марии Магдалины, которая отправилась в универсальный магазин купить муки.

— Странно... Ей давно пора вернуться! — проворчала она, задергивая шторы. — И почему только она не надела снегоступы, которые нам подарил господин мэр? Так любезно с его стороны... Ну, кому она сделает легче, если упадет и сломает ногу?

Она обернулась и посмотрела по сторонам, желая убедиться в том, что в большой комнате чисто. Пол, сработанные из широких досок внутренние перегородки, парты — все приятно пахло деревом, диким лесом. И все было новым, «с иголочки»: школу, которую местные жители окрестили «монастырской», построили этим летом. Сестры конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей, из Шикутими, приехали в Валь-Жальбер десятого декабря, то есть почти месяц назад, чтобы обучать детишек. Население поселка постоянно увеличивалось. Целлюлозная фабрика предлагала хорошую зарплату, и люди семьями переезжали и селились здесь, на берегу реки Уиатшуан.

Монахиня погасила свет, с благоговением коснувшись коричневого бакелитового выключателя, который с характерным сухим звуком перекрыл электрический поток. Раньше с электричеством ей сталкиваться не приходилось.

— Не удивлюсь, если с нашей сестрой-разиней что-то приключилось... — пробормотала она себе под нос.

Сестра Мария Магдалина знать не знала о том, что остальные монахини считали, будто она через минуту забывает о любом поруче-

---

¹ Траппер (англ. trapper, от trap — ставить ловушки, капканы) — охотник на пушного зверя в Северной Америке. (Прим. ред.)

нии и может заблудиться даже в трех соснах. Поэтому беспокойство сестры Люсии было не столь уж беспочвенным. Однако вопреки всем опасениям молодая монахиня бодрым шагом приближалась к школе. Ей пришлось задержаться на товарном складе, располагавшемся на первом этаже здания поселковой мэрии, чуть дольше, чем она рассчитывала, но монахиня об этом ничуть не жалела. Ей нравилось рассматривать товары в ярких упаковках. Их приятные глазу цвета услаждали ее душу, чувствительную ко всему прекрасному. В воздухе витал аромат рагу, такой аппетитный, что прямо слюнки текли... Многим жителям Валь-Жальбера хотелось поговорить с монахинями, которые приехали в поселок совсем недавно. Христовым невестам предстояло учить местную детвору, поэтому родители не упускали случая познакомиться с ними поближе.

Шагая по улице Святого Георгия, сестра Мария Магдалина вспоминала слова двух покупательниц, с которыми общалась у прилавка.

«Сестра, я мама маленького Овида. У него темные волосы и зеленые глаза. Этому шалопаю нужна твердая рука!»

«Моя дочка Роза в старшем классе. По вечерам она присматривает за младшими братьями. Она очень добрая девочка!»

На улицу крупной рысью вынеслась упряжка. Сестра Мария Магдалина едва успела отпрыгнуть в сугроб. Посередине дороги в глубоком слое снега повозки и автомобили за много дней наездили колею, по которой вынуждены были передвигаться и пешеходы. Большая рыжая лошадь шарахнулась в сторону. Возница приветственно махнул рукой.

Сестра Мария Магдалина плотнее закуталась в свою шерстяную накидку. Ветер был ледяным — казалось, в кожу врезаются кристаллики толченого стекла. Молодая женщина шла, низко опустив голову, чтобы защитить лицо от ветра. До массивного здания монастырской школы оставалось пройти несколько шагов — оно возвышалось перед ней, словно мирная гавань, явившаяся по мановению Божьей десницы. Зима только начинается, и скоро ударят настоящие морозы, но как же хорошо, что в мире есть это уютное, наполненное теплом убежище, где так приятно укрыться от стужи...

— Я совсем околела, — вздохнула монахиня. — Сестре Люсии надо бы получше следить за припасами. В сильный мороз я не побегу в магазин. Это же надо — праздник, а на кухне нет муки!

Внезапно где-то рядом раздался жалобный возглас, похожий и на крик хищной птицы, и на лисье тьяквань. Этого оказалось достаточно, чтобы не на шутку напугать хрупкую монахиню. Устремив безумный взгляд к церковной колокольне, она перекрестилась. Несмотря на то,

что улицы по приказу управляющих фабрики были ярко освещены фонарями и совсем рядом стояли жилые дома, у женщины были причины бояться — поселок окружали многие тысячи акров леса, населенного дикими животными.

— Какая же я все-таки трусиха, — вполголоса проговорила монахиня, с облегчением ступая на порог.

На этот раз приглушенное всхлипывание послышалось прямо у нее из-под ног. Сестра Мария Магдалина споткнулась о перевязанный в двух местах веревкой меховой пакет, который лежал у двери. Сердце женщины забилося быстрее, когда она наклонилась, чтобы получше рассмотреть этот странный сверток. Под балконом болтался фонарь, заливая крыльцо тусклым желтоватым светом.

— Ребенок! Совсем маленький! — воскликнула монахиня.

В окружении мехов она рассмотрела сердитое маленькое личико. Ошибки быть не могло.

— Боже милосердный! — пробормотала она, не в силах совладать с изумлением.

Монахиня подняла сверток, уронив при этом мешок с мукой. В это мгновение сестра Люсия открыла дверь.

— Посмотрите, ребенок! — воскликнула сестра Мария Магдалина. — Только человек без сердца мог оставить такую крошку на холоде! Оставить на верную смерть! Быстрее, быстрее впустите меня!

Настоятельница, сестра Аполлония, оказалась тут же, на первом этаже. Нахмурившись, она подошла поближе. Поправив на носу очки, она резким движением развернула шкуры, от чего ребенок заплакал еще громче.

— Зачем вы принесли сюда это дитя? — спросила она. — Сестра Мария Магдалина, отвечайте!

— Но, мать-настоятельница, я ведь уже объяснила! Его оставили на пороге! Кто-то положил ребенка на порог, пока я ходила за мукой. Сестра Аполлония молчала.

— Мать-настоятельница, посмотрите, какой он красный! — подхватила сестра Люсия. — Попробуйте, как горит лобик! Этот ребенок болен!

— Дети часто краснеют, когда сильно плачут, — отрезала настоятельница. — Бедный малыш! Нужно отнести его наверх. Дайте его мне!

Молодая сестра Мария Магдалина подчинилась после недолгого колебания: в свои двадцать три года девушка сохранила обостренную

чувствительность, свойственную подросткам. Вид этого свертка и его удивительное содержимое вызвало в ней сильнейшее волнение. Мать-настоятельница выхватила живой сверток. Полы черного платья взметнулись, когда она повернулась и пошла прочь. Ребенок, приоткрыв ротик, переводил дух. Поднимаясь по лестнице, монахиня заглянула в его ярко-голубые, полные слез глазки.

— Какая жалость! — вздохнула она.

Сестра-хозяйка¹ по имени Викторианна как раз готовила суп. Она вскрикнула от удивления, когда настоятельница вошла в кухню со своей ношей.

— В поселке умерла женщина, и этот ребенок остался сиротой? — пробормотала она. — Почему же тогда кюре нас не предупредил?

— С этим мы разберемся потом, — сухо ответила сестра Аполлония. — Ребенка оставили на наше попечение. Откуда бы он ни взялся, мы не можем оставить его на улице.

На втором этаже располагались комнаты монахинь, актовый зал и просторная кухня, в которой обитательницы монастырской школы любили собираться по вечерам. Мебели в кухне было немного — окруженный стульями стол да два стоящих друг напротив друга посудных шкафа. От большой чугунной печи с эмалированными боками распространялось приятное тепло, но все остальные комнаты обогревались системой центрального отопления. В регионе, где температура опускалась ниже сорока градусов по Цельсию, это была настоящая роскошь, и сестры прекрасно об этом знали.

Четыре женщины склонились над ребенком, которого настоятельница положила на стол. Под головой у него вместо подушки лежала свернутая жгутом тряпка. Когда монахини развернули шкуры, стало ясно, что от детского тельца исходит неприятный запах.

— Он испачкал пеленки, если, конечно, они есть! — проворчала сестра Аполлония. — Мне кажется, ему месяцев десять, а может, и год — во рту полно зубов!

— Как нам его перепеленать? — спросила взволнованно сестра-хозяйка. — У нас нет ни пеленок, ни присыпки. И чем его кормить? Нужен детский рожок! Я могу согреть молока.

Сестра Аполлония не была склонна драматизировать события.

---

¹ Монахиня, выполнявшая функции экономки. (Здесь и далее прим. автора, если не указано иное.)

— Наш суп-пюре сгодится. Самое главное сейчас — вымыть младенца. Лучше сделать это не откладывая.

Монахини дружно принялись за дело. Одна принесла цинковый таз, другая налила в него кипятка. Сестра-хозяйка приготовила мыло и несколько кусков чистой материи. Вернувшись к столу, она осмотрела шкурки.

— Мать-настоятельница, а ведь это дорогой мех! Здесь есть куньи и бобровые шкурки. А самая большая — черно-бурой лисицы. Мой отец траппер, я в этом разбираюсь.

— Какая разница? Я ведь не собираюсь обменивать эти шкурки на рынке! — отрезала настоятельница. — Вряд ли этот ребенок из Валь-Жальбера... И все-таки я спрошу местных. Если никто не сможет сказать, откуда он и кто его родители, ребенка придется сдать в приют.

Монахини сочувственно закивали головами. Местные мальчишки-сироты воспитывались в сельском приюте братства святого Жана-Франсуа-Режиса, в районе озера Вовер, на территории муниципалитета Перибонка. Девочкам давали кров в Шикутими, в Центральной больнице Сен-Валье, основанной орденом августинцев милости Иисуса.

Молодая сестра Мария Магдалина с ласковой улыбкой погладила лобик ребенка.

— Мать-настоятельница, если это девочка, мы сможем оставить ее? — с волнением в голосе сказала она.

Сестра Аполлония не ответила. С необычайной ловкостью она стала раздевать ребенка. Из-под шерстяной шапочки показались короткие густые каштановые кудряшки. Когда с ребенка сняли одежду из грубой ткани, оказалось, что его упитанное тельце покрыто красными пятнами.

— Господи! — всполошилась сестра-хозяйка. — Неужели это оспа?

— Оспа! — эхом отозвалась настоятельница. — Отче небесный, спаси и сохрани!

Монахини в беспокойстве переглянулись и одновременно перекрестились. И только сестра Люсия закатала рукава и погрузила в теплую воду чистую тряпочку.

— В двадцать лет я переболела оспой, — сказала она. — Доктор, который лечил меня в Квебеке, сказал, что второй раз люди не болеют. Мои щеки в оспинах, но Господь даровал мне исцеление. Поэтому я не жалею.